

Философия

УДК 141.81(045)+304.9(045)

Н.Н. Мисюров

ФИЛОСОФСКИЙ «ЛЕКСИКОН» НАРОДНИЧЕСТВА. «РЕАЛИЗМ» П.Н. ТКАЧЕВА

Актуальность исследуемой проблемы определена тем обстоятельством, что идейное наследие народничества прежде не рассматривалось в таком ракурсе – в единстве социально-философского, социологического и лингвокультурологического аспектов. Между тем выявление определенных смысловых доминант позволяет точнее понять когнитивную природу народнической доктрины, представляющей собой компиляцию весьма разнообразных компонентов «объективного знания» (позитивизма, социологии и политологии, научного социализма и др.). Цель работы – текстологический анализ противоречивой «системы» одного из родоначальников народничества П.Н. Ткачева, оформленной на категориальном и понятийном уровне соответствующим характерным «языковым субстратом». Одно из ключевых понятий – широко понимаемый «реализм» (мышления, оценок, действий). Результатом исследования является доказательство концептуального значения рационализма в выборе условно «марксистской» методологии народнических социологических исследований (в обосновании «экономического начала» в жизни общества), а также анархистской политической программы (положение о возможности «революции без народа»). Констатируется, что «положительное» отношение к идее прогресса парадоксальным образом сочеталось в работах народников с радикальным отрицанием буржуазного государства и существующего «несовершенного» общественного строя. Таким образом, философский «лексикон» народничества отражает поиски обновленного «языка науки» (в философии, социологии и политической мысли, в эстетике и литературной критике) в ожесточенных общественных спорах о путях развития России в пореформенный период 1860–1880-х гг.

Ключевые слова: народничество, философское наследие П.Н. Ткачева, реализм, марксизм, словарь науки.

DOI: 10.35634/2412-9550-2023-33-2-105-112

Введение

Хрестоматийно известная ленинская критика «друзей народа» есть примечательный исторический документ ожесточенной межпартийной борьбы (по форме – образец политической риторики) и потому почти не затрагивает существа философских взглядов народников. Между тем этот вопрос – о философском «лексиконе» народничества – принципиален для понимания эволюции русской философской мысли; как раз этот этап нашего общественного развития, пореформенного десятилетия и вообще последней трети XIX века, наиболее важен для исследователя, стремящегося восстановить полную картину умственной жизни России эпохи. Что же касается самой по себе философии, то, по словам Г.Г. Шпета, непосредственного участника тогдашних споров о путях России, она только-только начинала подходить к стадии превращения ее в истинное «знание», перейдя из философии как «проповеди» в философию как мировоззрение [26, с. 12]. Характерная оговорка его (о «проповеднической» манере философствования выдающихся, оригинальных русских умов всего предшествующего периода – от «любо-мудра» кн. В. Одоевского и «романтического юноши» Д. Веневитинова до «великого инквизитора» К. Леонтьева и теоретика «всеединства» В. Соловьева) отражает трудности обретения вождельной «истины о мире» и в силу именно такого эпистемологического значения является свидетельством чрезвычайного своеобразия русской философии, по преимуществу религиозной. Другое дело, что все эти «революционные» демократы, радикальные и умеренные, выразители «народной воли», вопреки своему происхождению (иные из дворян, многие же вышли из сословия «поповичей»), были людьми демонстративно «нигилистического» склада ума, вопросы «практические» были для них куда важнее теории. В этом было своеобразие отечественных «аксиом бытия»; «религиозность слагается у каждого человека по-своему», – указывал И.А. Ильин [7, с. 9]. Отношение их к «наличному» миру и общественным явлениям было самым последовательным и бескомпромиссным реализмом.

Заметим, что и в 1820-е гг. (пример тому – русское шеллингианство многообещающей романтической эпохи), и потом, в 1830–1840-е гг. (пример тому – доморощенное гегельянство периода «натуральной школы» и превращения отечественной литературы в «трибуну» общественной мысли) первостепен-

ным оставался вопрос, не столько теоретический, сколько сугубо практический и имевший глубоко личностный характер для каждого из участников полемики: борьбы и примирения противоборствующих начал во всех сферах национальной жизни. Таким образом, все онтологические проблемы перемещались в область проблем общественно-политических. Между прочим, известная формула Белинского, замечал Г.В. Плеханов, была результатом страстного увлечения фихтеанством (искушение дуалистической формулой «идеальной жизни» как именно «жизни действительной»), а кроме того, «плохого понимания» Гегеля – о роли «материальной силы» в истории человечества [19, с. 131]. «Субъективную», согласно ленинской оценке, философию народничества следует рассматривать искажением популярной некогда, эклектичной и потому подвергавшейся научной (марксистской) критике теории «экономического материализма» [15, с. 147]. В этом смысле социально-философские построения народников были попыткой найти нечто общее (не как «золотую середину», но как диалектическое противоречие) между самобытным, но несовершенным «народным» мировосприятием и индивидуалистическим, одновременно «зрелым» и несамостоятельным мировоззрением деятельных защитников, смелых освободителей «пробуждавшегося» русского народа. Причиной тому было злополучное наше «ученичество» по отношению к европейским «учителям». Это и будет оригинальным объектом исследования.

Столь же своеобразен (ускользающий в исторической перспективе) предмет исследования.

Основная часть

Становление народничества чем-то напоминало книжный миф о рождении готовой к битвам воительницы Афины Паллады. «Устаревшее», метафизическое и потому непригодное для объяснения большинства наболевших вопросов бытия кантианство, а также исчерпавшее свой революционный потенциал гегельянство (расколотое распрями изнутри, извне уничтоженное марксистской «критикой критики» непоследовательных младеггелянцев) народники попросту проигнорировали. Они разошлись с фейербаховским антропологизмом, слишком прямолинейным и «обезбоженным» для русского ума, сразу же перейдя на сторону модного и показавшегося многим из числа мыслящей молодежи «безошибочным» в решении общественных вопросов позитивизма. Учение Фейербаха П.Л. Лавров как теоретик «пропагандистского» течения в народничестве критиковал за «односторонность», хотя и признавал, что тот указал «основной принцип» для всей последующей материалистической философии [14, с. 642]. Позитивистские идеи на русской почве дали весьма своеобразные всходы. Для Н.К. Михайловского, к примеру, высшим критерием в оценке общественного прогресса, то есть последовательного и строгого различения процессов «развития и совершенствования» от процессов «вырождения и упадка», было «самочувствие личности», счастье (тогда как для французских позитивистов данное моралистическое понятие вообще не являлось какой-либо научно значимой категорией) [17, с. 434]. Интересно, что как раз на очевидном примере его откровенно «субъективной философии» В.И. Ленин изобличает народническую доктрину как нелепое «исповедание абстрактных схем», разумеется, при этом с гневом осуждает отрицание народниками всякого авторитета К. Маркса в русских делах, перенос же «центра тяжести» экономического материализма в «жизненную практику» вообще объявляется несусветной ересью, полным непониманием настоящей современной теории [15, с. 186, 197]. Поисками «единственно практически верных» идей отчасти нивелировалось различие (и даже принципиальные расхождения) программ революционных фракций в эмигрантской среде 1870–1880-х гг. Камнем преткновения была оценка «общинных инстинктов» русского крестьянства и возможность осуществления грядущей социалистической революции «без народа». Сегодня сложно сказать, кто же из них был прав (поскольку масштабный проект построения социализма в России провалился). В вопросе методологии – то есть объективности ожидаемых результатов исследования – уже цитировавшийся Г.Г. Шпет делает весьма примечательное признание, что «едва ли в этом смысле можно найти что-нибудь удобнее марксизма» [26, с. 13]. Методику исследования позаимствуем у «научного коммунизма».

В этом ракурсе и постараемся рассмотреть подробнее философский «лексикон» народничества. Всех очевидностей и тем более тонкостей формирования весьма своеобразного «языкового субстрата», обладающего несомненной социально значимой структурой¹, в рамках журнальной статьи не разобравшись, сосредоточимся на одном основополагающем понятии народнического дискурса – «реализме» Петра Ткачева, одного из «отцов-основателей» движения, фигуре несомненно ключевой в тогдашнем раскладе общественных сил. Некоторое затруднение заключается в том, что в традициях советской науки принято

¹ Очевидна взаимообусловленность, синтезирующая взаимосвязь «означающего» и «означаемого»; языковым субстратом обусловлена «самоорганизация» объекта коммуникативного восприятия [1. С. 97].

было разграничивать ранний русский марксизм и «зрелое» народничество по принципу: по одну сторону баррикад – выбравшие «верное» (и потому «всесильное») марксистское учение освободители пролетариата и всех угнетенных (сами же они – преимущественно «баре»), по другую сторону – «зablуждающиеся» и не сумевшие оценить эпохальный революционный смысл писаний Маркса с Энгельсом какие-то самозванцы, обещающие «пробуждение» и нескорое освобождение русского народа, крестьянства («мужика», кормильца всех остальных сословий). Ответ на когнитивный вопрос «кому на Руси жить хорошо?» зависел от степени осознания значимости и самого существования стратегического вопроса «что делать?». Степень «правдоверности» первых популяризаторов марксизма в России поставлена под сомнение самими вождями русского марксизма и социал-демократии – в полемических работах Г.В. Плеханова (например, «Наши разногласия», 1885), а потом – в задиристых «филиппиках» молодого В.И. Ленина (например, «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?», 1894). Своеобразный «катехизис» народничества неоднократно излагался в знаковых сочинениях рассматриваемой эпохи (см. [8; 9; 3]). Этими книгами (наряду со знаменитыми литературными произведениями, сформировавшими общественный дискурс) были обозначены те самые «вехи» истории русской мысли, о «сущностном» содержании которых написано и сказано немало.

Обозначим два важных момента в определении как непосредственно объекта, так и специфического предмета исследования, в качестве необходимых предварительных замечаний в отношении того, что следует подразумевать под философским «лексиконом» народничества. Во-первых, темпы исторических изменений словаря языка, включая язык науки, зависят от многих факторов коммуникации, в том числе межкультурной, пласт заимствований присутствует во всех языках [24, с. 29]; смена общественной или же научной парадигмы напрямую не затрагивает когнитивного содержания концептов общественного дискурса (в нашем случае – философского дискурса эпохи). Во-вторых, категориальное содержание того или иного научного «познавательного» концепта определено укоренившимся в обиходе научным понятием и обусловлено другими «мыслительными структурами»; необходимо различать «концептосферу текста» и «концептосферу автора» (ученого, публициста, писателя) [20, с. 125]. Таким образом, всякий конкретный текст жестче связан с «гипертекстом» эпохи, нежели мировоззрение и когнитивный опыт того или иного автора с доминирующими умонастроениями конкретного времени и «коллективным опытом». Тезаурус «представлений» в общественном знании более подвижен, нежели в фундаментальных науках и напрямую зависит от характера изменений общественных институтов. Определенные слова, порождающие «представления», становясь «понятиями», создают узнаваемые «мыслительные образы» (как потенциальные объекты логической обработки и соответствующей субъективной и при этом достаточно объективной интерпретации), структурированные в соответствии с концептуальной картиной мира автора данного «текста». Научная терминология «слишком конвенциональна», то есть исторически, а не рационально обусловлена; с «конструктивистской» точки зрения (это популярное направление в современном языкознании основывается на философских идеях, логике и психологических интерпретациях именно позитивизма) первичными являются определенные конструкты – понятия о так называемых «ненаблюдаемых объектах», которые в процессе коммуникативного обмена информацией (научного общения) налагаются на действительность [4, с. 8].

Сказанное не означает, что под «реализмом» в работах младогегельянцев и конкурировавших с ними позитивистов подразумевается одно и то же, но концептуальная сфера «общественной практики» рассматриваемой эпохи изменилась не настолько кардинально, чтобы предполагать существенное различие в понимании «реализма» (реализма мышления, реализма действий) между сторонниками Фейербаха и приверженцами набирающего популярность в определенных кругах тогдашнего европейского общества «научного» марксизма. На русской почве в силу целого ряда причин новое «реалистическое» философское мирозерцание возобладавало, сама общественная ситуация в сложный исторический момент требовала скорейшего практического решения «наболевших вопросов» национальной жизни.

Среди работ П.Н. Ткачева, в основном это журнальные статьи и рецензии, собственно философских немного («Очерки по истории рационализма», 1866; «Роль мысли в истории», 1875), скорее – это обзоры; большее внимание уделялось им вопросам социологии; особое место в его наследии занимают политические работы в духе «бланкизма», посвященные ближайшим задачам «русской революционной партии» (например, «Накануне и на другой день революции», 1877). Первостепенными из важнейших проблем обозначены следующие: содержание и особое место «экономического интереса» в человеческом общении; факторы и составляющие социального прогресса; ведущая роль «революционного меньшинства» в политической борьбе. В истории действуют отнюдь не «слепые» бессознательные силы

(об отношении П. Ткачева к идеям А. Шопенгауэра ничего не известно), но осуществляется «целесообразное», то есть избирательная «разумная» деятельность индивидуумов и человеческих коллективов, сам ход общественного развития осуществляется посредством поступков отдельных людей и движений социальных групп. Законы истории вообще «созданы» непосредственно человеком (налицо явный волюнтаризм в трактовке высших принципов бытия и тенденций общественного развития!). Некое основополагающее «экономическое начало» заложено в основании человеческого общества, оно отражается в определенных жизненных (сословно-классовых) интересах тех иных социальных групп, этими «стремлениями» к улучшению условий жизни и «самосохранению» обусловлены все известные исторические явления, традиционные учреждения и поступки людей. Такова вкратце его социальная «теория», то есть концепция прогресса, созданная несомненно под влиянием идей позитивизма (точнее, как отмечается, являющаяся скорее результатом полемики с позитивизмом [27, с. 188]).

Свои «якобинские», в оценке многих и даже ближайших сподвижников, принципы, конспективно изложенные собственные политические убеждения и философские воззрения П. Ткачев попытался объяснить в известной работе «Очерки по истории рационализма» (1866); первостепенный вопрос о «положительном» методе – в связи с критикой господствующего в тогдашней науке антинаучного, по его мнению, «дедуктивного» метода («методики догадок») – затрагивается так или иначе в нескольких небольших по объему журнальных статьях примерно того же времени.

Для всякого народного деятеля, исследующего общественную жизнь, писал П.Н. Ткачев, на первый план неизбежным образом выходит вопрос о том, «хорошо или худо существующее?». При этом «объективное» (то есть научное, следовательно, беспристрастное) отношение к изучаемому предмету здесь едва ли уместно, потому как «социалист не может относиться индифферентно к общественным явлениям», нельзя безучастно смотреть на то, как попираются права отдельного человека и даже целых коллективов, общечеловеческие интересы подменяются интересами классовыми [22, с. 64]. Единственно возможный, продуктивный и безошибочный метод изучения явлений социальной жизни, подчеркивал он, это «метод критический». Эта критика должна быть «толковой и всесторонней», не должна ограничиваться поверхностным обзором «дела» (фактов и обстоятельств), но, разлагая многогранный предмет исследования аналитически, должна стремиться проникнуть в самую суть обсуждаемых проблем, доискиваться основных причин, обуславливающих их возникновение и их воздействие на весь ход общественного развития. Такой «разумный» подход к осмыслению достижений прогресса и вопиющих недостатков современной действительности – социальной несправедливости, нарушений «жизненных» прав индивидуума – уже привел ко многим важным открытиям текущего времени [22, с. 70].

Итак, «смена общественных форм» – вот главный предмет науки [23, с. 49]. Практическая важность «реалистического» мировоззрения заключается в том, что «оно сосредоточивает энергию и деятельность людей, искренно преданных общественному делу, около самых насущных, животрепещущих интересов народа и таким образом заранее обеспечивает им сочувствие и поддержку с той стороны, с которой она всего нужнее» [22, с. 70]. Народ – объект (одновременно и субъект) внимания.

«Реалист» – в отличие от метафизиков и моралистов, толкующих об отвлеченной справедливости, схоластов и юристов, озабоченных классификацией призрачных прав (юриспруденцию как науку и профессиональную деятельность он явно не жаловал) – твердо знает, что отвлеченная идея справедливости сама по себе еще ничего не значит и что значение ее и смысл зависят от вкладываемого в нее содержания. Равенство людей не решает проблемы, поскольку далеко не все «одарены одинаковой возможностью приводить свои интересы в равновесие, отсюда борьба и анархия»; необходимо устранить досадный дуализм между правом фиктивным и правом активным, осуществляемым, нужно рассматривать право не какой-то «идеальной потенцией», но реальной, «действительной возможностью» человека удовлетворять свои потребности, тогда только мы добьемся настоящего равноправия в более благоприятных экономических условиях [22, с. 74–76]. «Настоящее начало» (или, в оригинальной его народнической стилистике, «закваска»), своеобразно выражающееся прежде всего в экономической сфере, праве и политике, в повседневной жизни, в отношениях между людьми, есть начало чисто материальное, не метафизическое, как в прежней философии, хоть кантовской, хоть гегелевской. Этим обусловлено общее, историческими примерами подкрепленное, стремление человека к улучшению своего текущего и завтрашнего положения, удовлетворение насущных потребностей, забота об обеспечении себя (в первую очередь себя) «суммой вещей» или материальных предметов.

Таким образом, одна только партия «реалистов» верно формулирует первоочередной вопрос о правах и возможностях (вопрос о материальном благосостоянии и более равномерном распределении

богатств) на «почве чисто экономической»; поставив всех в одинаковые экономические условия, возможно добиться «равновесия сил» в буржуазном обществе, уничтожив анархию в современной жизни, можно надеяться на установление «царства мира, порядка и всеобщего благоденствия» народов. Увы, ожидания не оправдались, увлекшись революционной борьбой, они недооценили сложность стоявших на «повестке дня» задач! Современное видение проблемы, что характерно, точно такое же «левацкое» [28; 29].

В науке (как и на практике) «реалист» сознательно подчиняется фактам «действительной» жизни – неприукрашенным, «как они есть», непосредственно из них выводит научные законы, основываясь исключительно на этом объективном материале исследований, вырабатывает собственные принципы, изучает и даже «приспосаблиется» к ним, чтобы изменить существующие жизненные обстоятельства и обратить эти перемены в пользу конкретного человека и всего человечества [22, с. 160]. Возникновение, развитие и укоренение в философии и общественной мысли своеобразно понимаемого им рационализма он рассматривал как постепенное и неуклонное «высвобождение» человеческого ума; теперь же всем ясно, что «существует один только процесс логического мышления, что возможен один только путь открытия истины – путь наблюдения и сравнения частных фактов и явлений окружающего нас мира» [22, с. 119, 170]. Подобное новейшее направление мысли Н.А. Бердяев называл «критической» философией, противостоящей всякому «субъективизму» в науке [2, с. 256].

В основу всякой «логически развиваемой системы», полагал П.Н. Ткачев, обязательно должен быть положен «какой-нибудь принцип», методологически способствующий четкому обоснованию и наиболее полному раскрытию основополагающей идеи; в качестве наглядного примера приводилась успешная реализация «принципа взаимности» в политических и философских сочинениях влиятельного в ту пору теоретика анархизма П.-Ж. Прудона [22, с. 90]. Насколько «логической» – реалистичной и безошибочной, аргументированной и убедительной – была его собственная система? К примеру, из самого по себе факта поглощения помещичьего землевладения капиталистическим производством, свидетельствующего об эпохальных изменениях в жизни русской деревни (менялся облик «старой» России), он делал весьма оригинальные выводы. Во-первых, помещик остается «высшим регулятором» всей общественной жизни, определяет политические, юридические, умственные и нравственные отношения. Во-вторых, противоборствующие «два лагеря» представлены фактически тремя «партиями», представляющими один из «самостоятельных» экономических факторов производства – свободный труд, земельную собственность и капитал; каждая партия отстаивает свои требования, имеет свою программу, пропагандирует свои идеалы, обосновывает свое мирозерцание. Так или иначе эти плохо согласующиеся друг с другом «требования» соответствуют интересам общества в целом. Возможно ли в принципе «верное» решение описываемой проблемы? В современной научной литературе «экономический» образ мышления рассматривается во взаимосвязи с вопросом об ассоциациях рабочего «самоуправления» как ячейках «планового» футуристического миропорядка [25; 5; 6; 30].

Таким образом, в понимании законов и конечной цели всемирно-исторического процесса он разошелся с марксизмом²: всякое материальное есть «органическое»; не уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, но «совокупностью жизненных целей» человека и человечества в целом, стремлением индивидов сохранять и поддерживать свою «индивидуальность» обусловлены любые формационные изменения. «Социальный организм» кардинально отличается от «организма животного» тем, по его мнению, что постоянный «антагонизм общественных сил» является крайне негативным фактором общественного развития, однако изменить существующий порядок вещей возможно только революционным путем. В природе «единство жизни» сохраняется даже в условиях жесточайшей борьбы за выживание, эволюционным путем разрешаются все возникающие противоречия и примиряются различные, порой прямо противоположные интересы индивидов.

Итак, одним из основных и наиболее употребительных, концептуальных понятий лексикона народничества (как коммуникативного инструментария, набора весьма специфических «знаков», обладающих когнитивными свойствами маркеров соответствующего сегмента общественного дискурса) оказывается широко трактуемый и многозначный «реализм». Все другие понятия и обозначения из различных областей гуманитарного знания – философии, социологии и психологии, эстетики и литературной критики – по своему смыслу и логически подчинены этому. Содержание столь важного для философской «системы» П. Ткачева понятия при этом не конкретизировано, что создает определенную

² Вопрос этот, отмечал советский исследователь Б.П. Козьмин еще в 1930-е гг., сводится к тому, какие именно из отдельных «элементов марксизма» были им усвоены и в какой степени? [11, с. 138]; см. его же: [10].

проблему. Сильно влияние идей утилитаризма, абсолютизируется роль случайного факта в истории человечества, в борьбе государств, наций, общественных групп. Современное ему буржуазное общество он «реалистически» объяснял торжеством неприкрытой «выгоды», каждый общественный класс имеет свое особое мирозерцание и свою «особую программу».

Особенности научного аппарата большинства построений П.Н. Ткачева не уникальны. Своеобразие «речевой реализации» концептуального содержания всякого научного текста (в нашем случае – брошюр, статей, журнальных рецензий одного из теоретиков народничества), являющегося универсальной формой представления научного знания, следовательно, обладающего онтологической и когнитивной значимостью, наиболее отчетливо обозначается в «эпистемической ситуации»³. Помимо экстралингвистических факторов, оказывающих опосредованное влияние на процесс самого текстообразования в научной сфере общения и непосредственно определяющих характер смысловой структуры конкретного научного сочинения, не менее важную функцию имеют специфические компоненты его подструктуры – «методологического субтекста», которым содержанию текста придается «статус легитимного научного знания». Посредством смысловой структуры текста «словарь» языка науки (объектный язык) эксплицируется в качестве своеобразного «субъектного» нового знания, при этом каждая отрасль знания и самостоятельное научное направление формируют на основе своей онтологии (а также, добавим от себя, своей, иной эпистемологии) свой собственный «словарь» [12, с. 122]. «Мета-язык» науки вообще носит куда более обобщенный характер и репрезентируется посредством универсальной общенаучной методологии; в области философии (в отличие, к примеру, от естественных наук) сходство и различие философских школ и течений философской мысли маркируется почти по принципу «свой – чужой». Показательно, что П.Б. Струве, говоря об «эмпирической революции» в науках, расставившей всё по своим местам, позволил себе заметить, что даже «настоящие материалисты» К. Маркс и Ф. Энгельс «колебались между метафизикой и позитивизмом» [21, с. 43].

Заключение

Весьма «противоречивые» взгляды П.Н. Ткачева (опубликовавшего в 1874 году «ребяческое» открытое письмо сподвижнику К. Маркса) Ф. Энгельс в насмешливом тоне объяснял игнорированием «азбуки социализма», указывая, что в действительности не существует никакой «чудесной силы», якобы свойственной изначально и донныне российской крестьянской общине. Русскую же артель нельзя рассматривать альтернативой западноевропейскому капитализму, самобытным экономическим основанием ожидаемых глубоких преобразований социалистического характера [16, с. 538]. В центре плехановской критики П. Ткачева оказалась его концепция «социальной» революции (изложенная в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России», 1874), бесосновательно отождествляемой с революцией социалистической. Вместо необходимого обстоятельного диалектического анализа тогдашних общественных отношений, утверждал Г.В. Плеханов, основой его программы становились «логические скачки собственной мысли», однако он «твердо держался своих посылок», делал более логические (нежели М. Бакунин) выводы, его аргументация «заслуживает самого серьезного внимания», но из боязни «изменить» народному делу он упрощает суть вопроса [18, с. 163–165]. Однако неточность иных формулировок, непонимание причин и следствий общественной борьбы не помешали ему интуитивно выработать весьма действенное материалистическое мировосприятие.

Еще один существенный момент: был ли «реализм» социально-философских воззрений П.Н. Ткачева сродни «примирительным» взглядам В. Белинского? Как безукоризненный и последовательный марксист Г.В. Плеханов (в работе «Белинский и разумная действительность», 1905) как раз на примере «неистового Виссариона», разрывавшегося между «политическим направлением» французской мысли и «абсолютной» истиной немецкой философии, объяснял неизбежность «тяжелых и почти безнадежных выводов», к которым непременно должен прийти всякий беспристрастный исследователь «русской действительности» – как критик господствующей «охранительной» точки зрения на причины многих несовершенств нашей общественной жизни и истинный радетель о свободе «еще не созревшего» для этого

³ Эпистемическая ситуация (термин введен Пермской научной школой функциональной лингвистики) есть «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих закономерное влияние на формирование научного текста и определяющих его стилистическую специфику» [13, с. 47–48].

желаемого состояния русского народа [19, с. 33]. В этом смысле политическая программа (как и положенная в ее основание «органическая» социологическая теория) П.Н. Ткачева выглядела куда более радикально, ибо несправедливость «общих» для Европы и догоняющей ее России экономических принципов, антагонизм общественных сил нарушают высшую гармонию «единства жизни» и фактически означают подмену «материального интереса» (рассматриваемого в историческом ракурсе вопреки его аморальности двигателем общественного прогресса), неприкрытым «торжеством грубой силы». Экономическими «началами» он объяснял «все наиболее характеристические» явления общественной и политической, умственной и культурной жизни, правовые отношения и моральные устои, конфессиональные и нравственные принципы, регулирующие взаимоотношения людей и многосторонние длительные культурно-исторические связи между народами.

В поисках некой «объективной основы» человеческого счастья П.Н. Ткачев не сумел преодолеть субъективизм собственных «правильных» построений. Принципиальная ошибка его заключалась в том, что отождествляемый с материальными потребностями отдельного индивида, определенной социальной группы, класса («продуктом человеческого расчета») общественный интерес рассматривался обособленно, в отрыве от всех других сфер жизни социума. Отображение экономических общественных отношений в разнообразных формах духовной деятельности вообще не учитывалось. Многие феномены в истории человечества, как «смутные влечения», так и систематизированные идеи, одинаковым образом сводились к непродуктивным по механизму воздействия на массы и субъективным по природе «идеальным побуждениям». Прямолинейность (упрощенность философской основы и схематизм социологической методики) предлагаемого им анализа социальных явлений была действительно следствием непонимания самой структуры способа производства, особенностей форм общественной практики, недооценки результатов практической деятельности масс (именно в этом вопросе марксизм преуспел). И все же, оригинальные идеи П.Н. Ткачева сыграли свою роль в дальнейшей эволюции русской общественной мысли на переломном этапе развития страны. Всемирно-исторический процесс понимался им как далеко не «однообразное» развитие определенного «экономического начала», многое зависит от характера «производительных сил» и «индивидуальности» действующих субъектов истории. Подобно тому, как законы природы устанавливают «вечную» (неизменную) взаимосвязь причин со следствиями, законы общества определяют «известную» (подвижную и непостоянную) связь взаимоотношений людей с их действиями, желаниями и мыслями. Однако же, если в природе борьба за выживание есть «почти единственный» фактор органического развития, то для «человеческого общежития» («гражданской истории») борьба интересов есть «факт производный», ибо солидарность индивидуумов является залогом успеха нового экономического строя и новой политической организации (социализма).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов К.И. Синергетика текста: От структуры к форме. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 248 с.
2. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
3. Воронцов В.П. Наши направления. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1893. 215 с.
4. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения: Вопросы методологии. М.: URSS, 2008. 280 с.
5. Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя, 2009. 202 с.
6. Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. 262 с.
7. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2002. 586 с.
8. Каблиц И.И. Основы народничества. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1888. Ч. 1. 466 с.
9. Каблиц И.И. Основы народничества. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1893. Ч. 2. 509 с.
10. Козьмин Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х гг. М.: Новый мир, 1922. 208 с.
11. Козьмин Б.П. К вопросу об отношении П. Н. Ткачева к марксизму // Литературное наследство. Т. 7–8. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 472 с.
12. Котюрова М.П. Стилистика научной речи. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. 363 с.
13. Котюрова М.П. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта, 2012. 280 с.
14. Лавров П.Л. Философия и социология. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 752 с.
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1979. Т. 1. 579 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1961. Т. 16. 807 с.
17. Михайловский Н.К. Последние сочинения. СПб.: Изд. ред. журн. «Русское богатство», 1905. Т. 1. 492 с.
18. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М.: Соцэкгиз, 1956–1958. Т. 1. 848 с.

19. Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. М.: Искусство, 1978. Т. 2. 439 с.
20. Ракитина С.В. Концептосфера и семантическое пространство научного текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27). С. 125–126.
21. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Типография И.А. Скороходова, 1894. 301 с.
22. Ткачев П.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1975–1976. Т. 1. 654 с.
23. Ткачев П.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1976. Т. 2. 644 с.
24. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. М.: ГИС, 2005. 260 с.
25. Хейне П., Боуттке П. Дж., Причитко Д.Л. Экономический образ мышления. М.: Вильямс, 2005. 530 с.
26. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 602 с.
27. Юдин А.И. Идея прогресса в философии русского народничества // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (79). С. 184–189.
28. Prychitko D.L. Marxism and decentralized socialism // Journal of Politics and Society. 1988, no. 2 (4), pp. 127–148.
29. Prychitko D.L. Marx, postmodernism, and self-Management // Journal of Politics and Society. 1997, no. 11 (2), pp. 301–310.
30. Prychitko D.L. Markets, planning, and democracy: Essays after the collapse of communism. Bodmin, Cornwall: Edward Elgar Publ., 2002. 219 p.

Поступила в редакцию 04.04.2023

Мисюров Николай Николаевич, доктор философских наук, профессор,
 профессор кафедры журналистики и медиалингвистики
 Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
 644077, Россия, г. Омск, просп. Мира, 55-а
 E-mail: misiurovnn@omsu.ru

N.N. Misyurov

PHILOSOPHICAL “LEXICON” OF POPULISM. “REALISM” BY P.N. TKACHEV

DOI: 10.35634/2412-9550-2023-33-2-105-112

The relevance of the problem under study is determined by the fact that the ideological heritage of populism has not previously been considered in such a perspective – in the unity of socio-philosophical, sociological and linguistic and cultural aspects. Meanwhile, the identification of certain semantic dominants makes it possible to more accurately understand the cognitive nature of the populist doctrine, which is a compilation of very diverse components of "objective knowledge" (positivism, sociology and political science, scientific socialism, etc.). The purpose of the work is a textual analysis of the contradictory "system" of one of the founders of populism P. N. Tkachev, framed at the categorical and conceptual level by the corresponding characteristic "language substrate"; one of the key concepts is the broadly understood "realism" (thinking, evaluating, acting). The result of the study is the proof of the conceptual significance of rationalism in the choice of a conditionally "Marxist" methodology of populist sociological research (in the justification of the "economic principle" in the life of society), as well as an anarchist political program (the provision on the possibility of a "revolution without a people"). It is stated that the "positive" attitude to the idea of progress was paradoxically combined in the works of the Narodniks with a radical rejection of the bourgeois state and the existing "imperfect" social system. Thus, the philosophical "lexicon" of populism reflects the search for a renewed "language of science" (in philosophy, sociology and political thought, in aesthetics and literary criticism) in fierce public disputes about the ways of development of Russia in the post-reform period of the 1860s-1880s.

Keywords: populism, philosophical legacy of P.N. Tkachev, realism, Marxism, dictionary of science.

Received 04.04.2023

Misyurov N.N., Doctor of Philosophy, Professor, Professor at Department of Journalism and Media Linguistics
 Dostoevsky Omsk State University
 Mira av., 55a, Omsk, Russia, 644077
 E-mail: misiurovnn@omsu.ru